

**Российский Дальний Восток в трансграничном
взаимодействии с Китаем (конец 1980-х – конец 2010-х гг.):
итоги в сравнительной перспективе**

Введение

Вот уже более тридцати лет российский Дальний Восток (РДВ) вовлечен в разнообразное и все более расширяющееся трансграничное взаимодействие со своим великим соседом – Китайской Народной Республикой. Сама продолжительность этого периода и огромный потенциал Китая, с 2014 г. ставшего первой экономикой мира, позволяет предположить, что такое взаимодействие не могло не оказать сильного влияния на то, чем является дальневосточный макрорегион России сегодня. Однако, каким именно способом следует оценивать итоги этого взаимодействия? Ведь от выбора стратегии оценки может в решающей степени зависеть и полученный вывод.

Если не принимать в расчет наиболее простого способа подведения итогов, описывающего состояние изучаемого процесса на заданную дату, можно выделить три крупных стратегии подобной оценки¹. Первая из них может быть названа внутренней сравнительной оценкой, которая предполагает сравнение параметров процесса в условной итоговой точке с его параметрами в одной или нескольких предшествующих временных точках. Типичным средством такой оценки служит сравнительно-исторический метод. Вторая стратегия – назовем ее внешней сравнительной оценкой – предусматривает сравнение данного процесса с синхронными ему другими процессами в одних и тех же временных точках. Инструментом этой внешней оценки может быть сравнительно-пространственный анализ однотипных процессов разного географического положения или масштаба (уровня). Наконец, третья стратегия оценки отличается от названных тем, что включает в рассмотрение субъектов оцениваемого процесса, учитывая их ожидания от этого процесса и преследуемые в нем цели. Исходя из этого, данную стратегию можно назвать внутренней субъективной оценкой. В зависимости от того, с позиции какого именно субъекта процесса – политико-управленческой элиты или масс – оцениваются его объективные результаты, подобное сравнение субъективного и объективного может опираться на различные методы анализа плановых документов или общественного мнения.

Многомерные процессы, участниками которых являются такие сложные системы, как государства и регионы, невозможно оценить целостно и сбалансированно, оставаясь в рамках только одной из указанных стратегий. Приблизиться к этому позволяет та или иная форма комбинирования разных стратегий. Поэтому цель предлагаемого исследования можно сформулировать следующим образом: получение комбинированной оценки результатов трансграничного взаимодействия² с Китаем, достигнутых РДВ за период с конца

¹ О диапазоне методов сравнения см. [22, с. 17–22].

² Трансграничным взаимодействием в данной работе именуется совокупность социально-экономических отношений негосударственных субъектов РДВ и Китая, осуществляемых через государственную границу.

1980-х по конец 2010-х гг. Реализация поставленной цели включает в себя решение ряда задач: 1) выявление произошедших изменений в объеме, составе и структуре трансграничных отношений РДВ с Китаем; 2) сравнение динамики трансграничных отношений РДВ с основными тенденциями в трансграничном взаимодействии Китая с Россией и его международным окружением в целом; 3) определение степени соответствия тенденций и итогов трансграничных отношений РДВ и Китая тем ожиданиям и целям, которые связывались с этими отношениями в макрорегионе; 4) выделение ключевых факторов, обусловивших выявленные тенденции и итоги трансграничного взаимодействия РДВ и Китая.

В настоящей статье я сосредоточусь на рассмотрении только некоторых, важнейших, на мой взгляд, составляющих трансграничного взаимодействия дальневосточного макрорегиона с Китаем – на отношениях в сфере торговли, прямых иностранных инвестиций (ПИИ), трудовой и туристической миграции. При этом названные виды отношений будут проанализированы со стороны их результатов и последствий для РДВ. Кроме того, взаимодействие сторон станет предметом изучения в той его части, которая освещена доступными статистическими данными. Последнее из ограничений особенно существенно, поскольку российская и зарубежная статистика описывает выделенные виды трансграничного взаимодействия со значительными хронологическими проблемами, с неодинаковой полнотой, и зачастую с использованием разных методик измерения сходных по форме статистических показателей. Тем не менее, при всех недостатках этих количественных данных, только они дают возможность реконструировать основные характеристики изучаемого процесса в необходимом масштабе.

Периодизация и тенденции трансграничных отношений РДВ и Китая

С точки зрения как объемов, так и масштаба воздействия на развитие макрорегиона, главной составляющей трансграничного взаимодействия РДВ с Китаем в постсоветскую эпоху являлась торговля³. Поэтому именно изменения в торговых отношениях целесообразно положить в основание периодизации исторической динамики двустороннего трансграничного взаимодействия.

Хотя на общероссийском уровне ключевой вехой в либерализации внешней торговли обычно считается 1991 г., в торговых связях с Китаем этот процесс шел с некоторым опережением. Его начало можно отнести к июню-июлю 1988 г., когда советским и китайским правительствами были подписаны сразу три соглашения: о торгово-экономических отношениях, о совместных предприятиях и о взаимных поездках граждан. Эти взаимосвязанные документы создавали условия для интенсификации и децентрализации всего комплекса двусторонних трансграничных отношений. В отличие от многих других участков границы СССР, на китайском направлении советские усилия по дебарьеризации трансграничного взаимодействия встречали меньшую заинтересованность, а главное – высокую практическую активность другой стороны. Эта встречная активность китайского государства, в дальнейшем возраставшая, оказала в итоге решающее влияние на динамику и сам характер изучаемого процесса.

Первый период постсоветской истории трансграничного взаимодействия РДВ и Китая, начавшийся, таким образом, еще в 1988 г., продолжался до 1993 г. По официальным данным, в этот период дальневосточная торговля с Китаем показала сравнительно высокий рост – с 1988 по 1993 гг. ее стоимостный оборот увеличился в 2,3 раза [18, с. 344]. Этот показатель мог бы быть значительно выше, если бы часть децентрализованного товарооборота (особенно в форме бартера) не проходила мимо российского таможенного учета⁴. В дальнейшем эта проблема стала хронической.

Другие виды трансграничных отношений РДВ и Китая в эти годы по темпам развития не уступали торговле. Так, к концу периода Китай занял

³ См.: [28, с. 233–241].

⁴ В 1993 г. незарегистрированная торговля составляла свыше 38% от экспорта России в Китай [30, с. 169–175, 191–202].

место лидера по числу зарегистрированных на РДВ предприятий с иностранным капиталом: на 1994 г. его доля составляла более 40% [11, с. 83]. Еще более бурно рос миграционный оборот макрорегиона с Китаем. С нескольких тысяч взаимных поездок в 1988 г. к 1993 г. он увеличился до примерно 1 миллиона пересечений российско-китайской границы на ее дальневосточном участке [18, с. 383; 27, с. 184].

Тем не менее уже в 1988–1993 гг. именно торговля приобрела роль "несущего каркаса" всего трансграничного взаимодействия сторон. На это указывает, в частности, специализация создававшихся на РДВ предприятий с китайским капиталом: основной сферой их деятельности был ввоз из Китая потребительских товаров и их обмен на дальневосточную сырьевую продукцию [11, с. 83]. Что же касается взаимной миграции, то главной ее целью был отнюдь не туризм, а мелкая торговая деятельность, расцвету которой способствовали весьма либеральные нормы провоза товаров физическими лицами.

Доминирование торговли как относительно простой формы экономических отношений стран типично для их начальной стадии. Однако в отношениях РДВ с Китаем устойчивость этого феномена была обусловлена и рядом специфических факторов. Наиболее очевидным фактором, препятствующим переходу сторон к более сложным и продуктивным формам кооперации, является глубина их культурно-языковых различий. Свое влияние на структуру взаимодействия оказал также переходный (точнее, смешанный) характер экономик стран и медленное формирование в них рыночных (в т.ч. инвестиционных) институтов. Наконец, фактором сдерживания перехода РДВ и Китая к неторговым формам сотрудничества во многих случаях выступали политические решения Москвы и Пекина, ограничивавшие сферу взаимных инвестиций и миграционного обмена [9].

Особым периодом в истории трансграничных отношений РДВ и КНР стал 1994 г., когда эти отношения пережили сильнейший за все постсоветское время кризис. Самым ярким его проявлением было резкое (более чем в 4,7 раза) падение объема товарооборота [10, с. 557]. В результате Китай утратил положение ведущего торгового партнера РДВ⁵. Одновременно в макрорегионе значительно сократилось количество предприятий с участием китайского капитала. Ощутимый, почти двукратный, спад произошел и в объеме миграционного движения между РДВ и Китаем [32].

Кризис 1994 г. имел сложную обусловленность. Общей его предпосылкой было исчерпание объективных возможностей наращивания трансграничного взаимодействия в условиях обвального падения российской экономики. Вместе с тем важным фактором возникновения кризиса явилась ребарьеризация российско-китайской границы, осуществлявшаяся со второй половины 1993 г. и региональными, и федеральными властями. Этот политический фактор, в свою очередь, был тесно связан с процессами социально-психологического плана (возрождение мифологии "желтой опасности"), охватившими как дальневосточный макрорегион, так и Россию в целом.

Следующий период в динамике отношений РДВ и КНР, продолжавшийся с 1995 по 2002 гг., отличался высокой противоречивостью и нестабильностью. С точки зрения объемов двусторонней торговли содержанием этого периода было их послекризисное восстановление. Лишь в начале 2000-х гг., после череды подъемов и падений, товарообороту удалось превзойти уровень 1993 г. [18, с. 343–344; 32]. Сходные, но более медленные восстановительные процессы были характерны и для взаимной миграции. При этом под влиянием российской миграционной политики в данный период сформировалась типичная впоследствии для РДВ тенденция – темпы роста выезда в Китай начали значительно опережать темпы роста въезда из него [32]. Наименее позитивную динамику в 1995–2002 гг. имели инвестиционные отношения с Китаем. Связь китайского капитала с торговлей, усиление финансового контроля в России, а также общее неблагоприятное состояние дальневосточной экономики привели, по существу, к застою в этой сфере⁶.

⁵ Доля Китая в торговле РДВ снизилась с 39,1 (1993 г.) до 11,1% (1994 г.).

⁶ См.: [6, с. 28].

Главным итогом периода 1995–2002 гг. явилось формирование общей модели трансграничного взаимодействия РДВ с Китаем. Ведущей составляющей этой модели стал экспорт в Китай дальневосточных сырьевых товаров (прежде всего, леса, рыбы и морепродуктов, топлива и металлов). В обмен на это РДВ импортировал из КНР продовольственные и промышленные товары повседневного спроса, потребительские услуги (в особенности, туристические), а также продукцию машиностроения.

Подобная модель отношений макрорегиона со своим соседом сложилась не одномоментно, и не без колебаний. Еще в 1995 г. различие в объемах дальневосточного экспорта и импорта было незначительным (около 11%), а преобладание сырьевого экспорта над несырьевым сравнительно небольшим. Однако за 1995–2002 гг. стоимость экспорта РДВ увеличилась более чем в 6 раз при том, что импорт вырос только в 2,7 раза. В результате в 2002 г. объем экспорта РДВ в Китай превосходил импорт уже почти в 2,5 раза, а доля сырьевых товаров в нем составляла 62,1% (тогда как машиностроительной продукции – 31,2%) [18, с. 344; 34, с. 124].

Такая структурная перестройка торговли с Китаем была вызвана действием не только стихийных рыночных факторов. Помимо конъюнктуры мирового рынка и внутренних проблем российской экономики на поведение дальневосточных экспортеров повлияла последовательная политика китайского правительства по развитию промышленной базы Северо-Востока и созданию правовых, фискальных и инфраструктурных условий для превращения соседних российских регионов в ее "экономическое дополнение" [2, с. 233–236, 245–247; 8, с. 75–78]. После безуспешных попыток закрепиться в более выгодных отраслевых нишах китайского рынка, не получив никакой поддержки собственного государства, производители РДВ приняли предлагаемую им роль начального, добывающего звена для производственных цепочек, выстроенных на территории Китая.

С завершением посткризисного восстановления, в 2003 г. отношения РДВ и Китая вступили в период устойчивого поступательного роста, продолжавшегося до 2013 г. Особенностью этого роста в торговле были не его темпы, но его длительность и относительная устойчивость. За 11-летний период, в ходе которого товарооборот РДВ и Китая вырос в 5,6 раза, незначительный (на 7%) спад наблюдался только в 2009 г., во время мирового финансового кризиса⁷. Главной причиной такого характера торговой динамики являлась исключительная скорость и стабильность развития в эти годы китайской экономики.

Другим проявлением усиливающейся зависимости взаимодействия с Китаем от экономики последнего стали дальнейшие структурные изменения в двусторонней торговле. Во-первых, в 2003–2013 гг. в составе дальневосточного экспорта продолжала быстро сокращаться доля машиностроительной продукции (в 2013 г. она составляла уже 0,8%) и, соответственно, увеличиваться доля сырья. Во-вторых, опережающими темпами начал расти китайский импорт на РДВ, все более весомой частью которого являлись товары категории "машины, оборудование и транспортные средства". Если дальневосточный экспорт за 2003–2013 гг. увеличился в 3,7 раза, то импорт – в 11,6 раз. В результате в 2007–2008, 2010–2011 и 2013 гг. впервые за долгое время (с 1992 г.) сальдо дальневосточной торговли с Китаем стало отрицательным⁸.

Крайне неблагоприятная структура торговли РДВ и Китая, сложившаяся к концу периода 2003–2013 гг., была прямым следствием согласованности внутренней (промышленной) и пограничной (таможенно-торговой) политик с китайской стороны и бессистемности таковых с российской. Привлекая и регулируя товарные потоки, идущие с территории ДФО, китайскому правительству в связке с региональными властями в 2000-е гг. удалось нарастить, модернизировать и диверсифицировать промышленный потенциал своих северо-восточных провинций и одновременно (в рамках стратегии "идти вовне") начать освоение рынка РДВ новыми товарами с более высокой (чем потребительский импорт 1990-х гг.) добавленной стоимостью.

⁷ Рассчитано на основе: [7; 32].

⁸ Рассчитано на основе: [7].

Определенное оживление в 2003–2013 гг. наметилось и в сфере инвестиций. Так, по российским данным, с 2004 по 2013 гг. годовой приток ПИИ из КНР на РДВ вырос в 9,9 раза. Однако абсолютная величина этих инвестиций оставалась незначительной: в 2013 г. китайские инвесторы вложили в макрорегион лишь 89,7 млн. долл. [5; 12, с. 105]. Характерной чертой инвестиций данного периода была их концентрация в добывающих отраслях [1, с. 389–391; 8, с. 106–113]. Впрочем, в официальную статистику по-прежнему не попадала большая доля китайского капитала, вкладываемого в предприятия малого и среднего бизнеса, важнейшей деятельностью которых оставалась торговля [30, с. 262–267].

В сфере миграционного взаимодействия РДВ и Китая выезд российских туристов сохранял в 2003–2013 гг. свое доминирующее положение. В то же время во въездной миграции из Китая произошло довольно четкое размежевание динамики ее трудового и туристического компонентов. С 2003 по 2008 гг. (исходя из данных по приграничным регионам РДВ) число трудовых мигрантов из Китая увеличилось в 2,5 раза (до 57,2 тыс. чел.) [23, с. 185]. Однако в последующие годы их количество стало падать. Что касается туристического потока из КНР, то в течение большей части этого периода он имел тенденцию к сжатию, что можно объяснить, прежде всего, усилиями российской стороны по подавлению челночной торговли и псевдотуризма [19, с. 124–130]. Только в начале 2010-х гг. количество въезжавших на РДВ китайских туристов стало возрастать, на порядок превысив число зарегистрированных в макрорегионе китайских рабочих.

В 2014–2016 гг. в развитии взаимодействия РДВ и Китая наступил очередной кризис, второй по значимости в его постсоветской истории. В сравнении с кризисом 1994 г., он не был столь глубоким (объем товарооборота упал менее чем в 2 раза), однако его трехлетняя продолжительность была беспрецедентна. Если кризис 1994 г. вызвали внутрироссийские и внутрикитайские факторы, то произошедшее в 2014–2016 гг. было обусловлено обострением международных, политических и экономических, противоречий, затронувшим как Россию, так и Китай. Следует отметить, что влияние данного кризиса на трансграничное взаимодействие сторон было избирательным. Так, в 2015 г. число принятых на РДВ туристов из Китая, под воздействием снижения курса рубля, пережило резкий всплеск, увеличившись к предыдущему году в 9,6 раза⁹.

Значение кризиса 2014–2016 гг. состояло главным образом в том, что РДВ вновь достиг положительного сальдо экспорта и импорта в торговле с Китаем. Кроме того, как составная часть общего падения экономики России, кризис подтолкнул российское правительство к пересмотру своей политики в макрорегионе и переходу к "селективной", институционально-ориентированной, стратегии его развития.

Специфика текущего периода в отношениях РДВ и Китая, начавшегося в 2017 г., пока не вполне ясна. В целом до 2020 г. наблюдалась тенденция к постепенному восстановлению объемов торговли и возвращению к модели доминирования в ней сырьевого экспорта. Вместе с тем объемы торговли, пропорция в ней экспорта и импорта, и их товарная структура остаются весьма неустойчивыми. Устойчивого роста не отмечается и в сфере инвестиций¹⁰. Социально-экономические отношения РДВ и Китая формируются в последние годы под противоречивым воздействием их традиционных детерминант (мировой рынок и инициативы китайских властей) и новой российской политики развития макрорегиона. То, какой из этих факторов окажется сильнее, и определит как темпы дальнейшего, послевосстановительного, роста взаимодействия сторон, так и его качественные характеристики.

Сравнительно-исторический анализ трансграничных отношений РДВ и Китая в постсоветскую эпоху показывает огромный рост их объемов в торговой и миграционной сферах. За 1989–2019 гг. товарный оборот РДВ и Китая увеличился почти в 17,8 раза, а миграционный – не менее чем в 47 раз. Активно, но очень нестабильно и, в конечном счете, малоуспешно росло в эти годы инве-

⁹ Рассчитано на основе: [33].

¹⁰ По данным ЦБ РФ за 2014–2019 гг. См.: [26].

стиционное взаимодействие. Впрочем, и там, где отношения с Китаем демонстрировали существенный количественный рост, их качественные параметры устойчиво изменялись в неблагоприятном для РДВ направлении. В 2010-е гг. в структуре экспорта Дальнего Востока в КНР доля сырьевых товаров никогда не падала ниже 70%, а количество принятых китайских туристов в 2019 г. все еще на 27% уступало количеству отправленных в Китай россиян [7; 33].

Трансграничные отношения РДВ и Китая на российском и мировом фоне

С внутренней, сравнительно-исторической точки зрения, количественные результаты взаимодействия РДВ и Китая за последние тридцать лет выглядят внушительными. Взятые сами по себе они вполне пригодны для использования в качестве "объективных" свидетельств успехов макрорегиона, что подтверждают ссылки на такого рода валовые показатели в политических документах и чиновничьей риторике¹¹. Однако насколько весомы успехи РДВ в трансграничных отношениях с Китаем на фоне динамики отношений Китая с Россией, а также международным окружением этой страны в целом?

За 1989–2019 гг., когда товароборот РДВ и Китая, как отмечалось, вырос в 17,8 раза, товароборот между Китаем и Россией увеличился в 30,2 раза, а между Китаем и миром в целом – в 58,6 раза. Если вычленишь из товарооборота экспортную составляющую, то величины несколько изменятся (рост более чем в 21 раз, 29,6 раза и 53,7 раза соответственно¹²), но на их общий масштаб и последовательность ранжирования это не повлияет.

Не менее наглядно относительную успешность развития экспортной торговли РДВ с Китаем описывают изменения такого ее показателя, как удельный вес в экспорте России и мира в целом в Китай. Если в 1989 г. экспорт РДВ в Китай составлял около 13% от российского (точнее, еще советского) экспорта в эту страну, то в 2019 г. его доля снизилась до 9,9%. Что же касается доли дальневосточного экспорта в общемировом экспорте в Китай, то в 1989 г. она оценивалась в 0,6%, а в 2019 г. – только в 0,2%¹³.

Сравнить РДВ с Россией и внешними контрагентами Китая в целом по притоку ПИИ в отсутствие достаточно достоверной и систематической статистики очень трудно. По данным Financial Times, в 2017 г. доля РДВ в поступивших в Россию 140 млн. долл. китайских инвестиций составляла 2% [39]. Если РДВ действительно получил в 2017 г. из Китая лишь 2,8 млн. долл. ПИИ, то его доля в общем потоке прямых инвестиций, исходивших из этой страны, была ничтожной. Учитывая мнения многих специалистов [1, с. 385–402; 14], указывающих на существенную заниженность данных Росстата и ЦБ РФ, а также имеющуюся информацию о притоке китайского капитала в ТОРы и СПВ, можно предположить, что ежегодный приток китайских ПИИ в макрорегион в конце 2010-х гг. все же не опускался ниже уровня 2013 г. (89,7 млн. долл.), который достигал 35% от общероссийского показателя¹⁴. Тем не менее и в таком случае в совокупном объеме вывезенного в 2019 г. из Китая капитала на прямые инвестиции на РДВ приходилось не более 0,1%.

Сравнению различных контрагентов Китая с точки зрения трансграничной миграционной динамики также препятствуют значительные лакуны в статистике и различия в методиках учета. Так, согласно китайской статистике, приводимой Всемирным банком, с 1995 по 2019 гг. объем туристического потока из КНР увеличился в 34,4 раза¹⁵. При этом, по российским данным, въезд китайских туристов в страну в 1995–2019 гг. вырос в 6,4 раза¹⁶. Что же касается РДВ, то данные, которые удалось собрать автору, достаточно полно

¹¹ Например: [24].

¹² Рассчитано на основе: [7; 35; 37].

¹³ Рассчитано на основе: [7; 35; 37].

¹⁴ Рассчитано на основе: [5; 36].

¹⁵ Рассчитано на основе: [38].

¹⁶ Рассчитано на основе: [32; 33].

описывают динамику въезда китайских туристов лишь в период после 2004 г. С этого времени и до 2019 г. объем этого турпотока почти не изменился (рост на 8%). За тот же период въезд китайских туристов в Россию увеличился в 2,6 раза, а их выезд из КНР в 5,4 раза. На 2019 г. доля китайских туристов, въехавших на РДВ, составляла 34,8% от въехавших в Россию и более 0,3% – от выехавших из Китая (на 2004 г., соответственно, – 84,6% и 0,8%)¹⁷.

Более детально динамику трансграничных отношений в разных географических масштабах позволяют осветить показатели их средних темпов роста (по пятилетиям) (см. табл. 1). По крайней мере с середины 1990-х гг. по средним темпам роста экспорта в Китай РДВ чаще находился впереди и России, и мира в целом. Однако постепенно макрорегион утрачивал преимущество в этом виде трансграничного взаимодействия. В 2005–2009 и 2015–2019 гг. темпы экспорта РДВ в Китай отставали от общемировых, а с начала 2010-х гг. по данному показателю дальневосточный макрорегион стала опережать и Россия в целом.

С точки зрения темпов роста китайских ПИИ, исходя из использованной в табл. 1 неполной информации, в 2005–2014 гг. динамика РДВ выглядела лучше общемирового фона. Вместе с тем в эти же годы она была ниже общероссийских показателей. Систематической статистики притока китайских ПИИ в Россию и на РДВ в 2015–2019 гг. у автора нет, однако, судя по количеству и стоимости заявленных инвестиционных проектов¹⁸, свои опережающие темпы Россия сохраняла и в последние годы.

По темпам роста китайского туризма, в 1990–2019 гг. и Россия, и ее дальневосточные территории находились в целом ниже общемирового фона. Ситуация с въездным туризмом в России и ДФО изменилась в 2010-е гг., причем макрорегиону в эти годы удалось достичь более быстрого роста турпотока из КНР. Впрочем, как отмечалось выше, даже эти относительно высокие темпы не смогли пока компенсировать последствий более глубокого спада в туризме, пережитого РДВ в 2000-е гг.

Таким образом, сравнительно-географический анализ трансграничных отношений с Китаем, в т.ч. в их историческом аспекте, показывает, что результаты РДВ в развитии экспорта, туризма и, насколько можно судить по фрагментарным данным, ПИИ за три десятилетия по скорости роста потоков и по их итоговому удельному весу были в целом хуже как общероссийских, так и общемировых. К настоящему времени РДВ удерживает за собой некоторое сравнительное преимущество лишь с точки зрения темпов роста китайского туризма. Лидерство же в сфере экспорта и привлечения китайских ПИИ в последние 10–15 лет закрепили за собой более западные регионы России.

Двустороннее взаимодействие в свете российских целей и ожиданий

Дебарьеризация границы с КНР на рубеже 1980-х – 1990-х гг. была стремительной и во многом неуправляемой. Столь же стихийным, децентрализованным и ситуативным было и осмысление многообразных связей, быстро поверх этой границы формировавшихся. Ведущая роль в этом осмыслении принадлежала не рациональному целеполаганию, а эмоционально насыщенным ожиданиям, питаемым атмосферой эйфории от самой возможности международного сотрудничества, близкого воссоединения со "всемирным миром" и совместного рыночного процветания.

Общие надежды на благотворные последствия интеграции в АТР применительно к Китаю конкретизировались дальневосточными политическими и хозяйственными руководителями, а также учеными в ожидаемом наполнении внутреннего рынка китайскими потребительскими товарами, получении дефицитных рабочих рук и капиталовложений, значительном увеличении доходов от экспорта и даже взаимовыгодном участии в модернизации китайской промышленности [18, с. 338–339; 21, с. 306–312]. Именно в это время, в начале 1990-х гг., был выдвинут целый ряд совместных инвестиционных проектов, некоторым, самым жизнеспособным из которых была суждена долгая и непростая история.

¹⁷ Рассчитано на основе [33; 38] и данных администраций регионов РДВ.

¹⁸ См.: [15].

Таблица 1. Сравнительные тенденции трансграничного взаимодействия Китая с миром в целом, Россией и РДВ (средние темпы роста, %)

Контрагенты Китая	Виды трансграничных отношений	1990–1994	1995–1999	2000–2004	2005–2009	2010–2014	2015–2019
Мир в целом	Экспорт	116,1	111,6	127	113,4	116,5	102
	Входящие ПИИ	120,7	115,1	114,6	140,6	122,9	95,5
	Въездной туризм	-	119,6	125,6	110,6	119,6	105,9
Россия	Экспорт	108,1	104,5	123,4	110,6	119,6	105,9
	Входящие ПИИ	-	-	-	272	171,4*	-
	Въездной туризм	-	111,2	109,6	83,6	128,8	111,3
РДВ	Экспорт	-	119,7	129,4	111,5	117,7	100,8
	Входящие ПИИ	-	-	-	144,6	146,3*	-
	Въездной туризм	-	-	-	75,1	133,4	112,5

*Данные за 2010–2013 гг.

Источники: рассчитано автором на основе данных Всемирного банка, ФТС РФ, Росстата, ЕМИСС, администраций регионов РДВ.

Столкновение с неожиданными реалиями трансграничных отношений уже в 1993–1994 гг. развеяло первоначальную эйфорию. Позитивные ожидания от Китая были потеснены (особенно в массовом сознании жителей РДВ) разнообразными страхами и опасениями. В отличие от надежд, страхи оказались гораздо более устойчивыми и действенными. О широкой распространенности и живучести этих негативных представлений и ожиданий говорят результаты опросов, проводившихся Институтом истории ДВО РАН, ВЦИОМ, ФОМ и Московским центром Карнеги в общероссийском масштабе или в пределах приграничных дальневосточных и сибирских регионов в период с 1994 по 2017 гг. [4, с. 114–117; 8, с. 113–116; 16, с. 288–300; 17, с. 18; 20, с. 66–84, 127–157; 21, с. 343–344]. В 1990-е гг. "китайская экспансия" в Россию беспокоила от 60 до 80% опрошенных. С начала 2000-х гг. ощущение экспансии со стороны Китая стало постепенно ослабевать, колеблясь в диапазоне от 40 до 80% респондентов. В 2010-е гг. эта тенденция значительно усилилась, однако сам социально-психологический феномен далеко не исчез: на 2017 г., по информации В.Л. Ларина, от 20 до 25% респондентов на РДВ продолжали воспринимать Китай как угрозу [17, с. 18].

Страх перед Китаем в изучаемый период имел очень сложное содержание, включающее антропологические, культурные, демографические, экономические и политические компоненты. Тем не менее ведущей, наиболее интенсивной составляющей этого комплексного страха, как показывают опросы, чаще всего являлась "демографическая угроза", боязнь массовой миграции и оседания китайцев на российской территории. От степени сопряженности с ней, как правило, зависела актуальность для российских граждан и всех остальных угроз. Следует отметить, что страхи россиян концентрировались именно на трансграничных (межобщественных) отношениях. Межгосударственные отношения РФ и КНР, даже на РДВ обычно оценивались большинством опрошенных как "хорошие" или "удовлетворительные" [20, с. 157–159].

С середины 1995 г. негативные ожидания населения становятся постоянным фактором не только самих межобщественных отношений с Китаем, но и, что более важно, их государственного регулирования. Независимо от степени внутреннего согласия с этими ожиданиями, российская политическая элита должна была учитывать их в своих решениях. Возникшая в результате раздвоенность сознания государственных регуляторов трансграничного взаимодействия, их колебания между прагматичными интересами социально-эко-

номического развития и мотивами защиты национальной безопасности, безусловно, сказывались на качестве принимаемых решений.

Зависимость управления трансграничным взаимодействием с Китаем от общественных фобий, помимо прочего, была препятствием стратегическому планированию в этой сфере. Длительное время российские власти регулировали данное взаимодействие реактивно: определяя свою позицию по отдельным проектам, инициируемым обычно китайской стороной. Изменение такого порядка произошло в конце 2000-х гг., когда стремление Москвы форсировать вовлечение Китая в развитие РДВ в условиях мирового кризиса привело к подписанию двусторонней "Программы сотрудничества между регионами Дальнего Востока и Восточной Сибири РФ и Северо-Востока КНР" на 2009–2018 гг. [25]. Программа 2009–2018 гг. включала 111 проектов на китайской и 97 на российской территории и охватывала такие области сотрудничества, как строительство приграничной инфраструктуры, транспорт, территориальные институты (зоны) развития, трудовая миграция и туризм, гуманитарные связи и охрана окружающей среды.

Как стало очевидно уже через несколько лет, существенно оживить динамику трансграничных отношений с Китаем с помощью названного документа не удалось. На 2018 г. из перечня проектов Программы, планировавшихся на территории России, были реализованы лишь 2, и 20 проектов, включая 9 с участием китайских инвесторов, находились в стадии реализации [29, с. 201]. Еще до истечения действия этого документа, стороны приступили к разработке новой Программы, рассчитанной на 2018–2024 гг. Унаследовав у старой большую часть замороженных ранее проектов, она оказалась гораздо более скромной и по географическому, и по финансовому размаху [24].

Практический провал Программы 2009–2018 гг. с российской стороны границы был следствием множества причин [13]. Важную роль в нем сыграли структурные факторы (узость дальневосточного рынка, высокие производственные и транспортные издержки), объективно снижающие привлекательность РДВ для любых иностранных инвесторов. Однако ключевые причины неуспеха этого стратегического документа, на мой взгляд, были связаны именно с субъективными намерениями сторон. Во-первых, реализация Программы выявила принципиальное различие позиций России и Китая во взаимном сотрудничестве: в то время как китайская сторона стремилась расширить присутствие в топливно-сырьевом секторе РДВ и найти применение в нем собственным трудовым ресурсам, российская сторона жестко ограничивала использование китайской рабочей силы и пыталась направить китайский капитал в обрабатывающее и даже высокотехнологичное производство. Во-вторых, несмотря на риторику со-развития, работа по осуществлению принятого плана с российской стороны по-прежнему была подчинена приоритетам безопасности макрорегиона. Проявлением этого стало не только сдерживание трудовой миграции из КНР, но и полномасштабный срыв российским правительством обязательств по модернизации пограничных переходов и трансграничной транспортной инфраструктуры. В-третьих, целевое и проектное содержание Программы 2009 г. в России определялось "сверху" силами федеральных чиновников. Региональные власти (не говоря уже о дальневосточном бизнесе) участвовали в целеполагании только в качестве поставщиков информации [13].

Сопоставление общественных ожиданий и документально оформленных целей трансграничного взаимодействия РДВ и Китая с ранее рассмотренными результатами последнего в целом указывает на значительную степень их расхождения. Из числа надежд, которые мотивировали участников сотрудничества с Китае на раннем его этапе, к исполнившимся можно отнести две: резкий рост доходов от экспорта и наполнение дальневосточного рынка китайскими потребительскими товарами¹⁹. Следует вместе с тем заметить, что большая часть экспортных доходов уходит за пределы макрорегиона, а масштаб потребления РДВ китайского импорта оценивается многими учеными как экономическая зависимость [3; 31, с. 338–339]. Менее очевидна связь с результатами сотрудничества различных форм синофобии. С одной стороны, ни один из популярных "китайских страхов" не сбывся. С другой – сокращение

¹⁹ В 2010-е гг. из Китая поступало около половины всего импорта РДВ [31, с. 336–339].

трудоустрой мигранции из Китая и замедленный рост китайского туризма на РДВ невозможно вполне объяснить без учета длительного опыта переживания дальневосточниками "демографической угрозы" со стороны соседей. Однако наименьшее соответствие реалиям трансграничных отношений продемонстрировали попытки рационального планирования в этой сфере. Постоянное нарушение сроков, отступление от количественных и стоимостных плановых показателей или просто отказ от выполнения заявленных целей – это типичные черты практики реализации как отдельных проектов, так и программ российско-китайского сотрудничества. Можно с уверенностью сказать, что в исторических итогах трансграничных отношений РДВ и Китая фактор государственного целеполагания и управления ими с российской стороны является самым малозначимым (если не отрицательным) слагаемым.

Заключение

Такой предмет, как тридцатилетняя динамика трансграничных отношений РДВ и Китая, в рамках одной статьи может быть проанализирован только очень схематично, обзорно. Тем не менее панорамная оценка итогов данных отношений в трех сравнительных ракурсах позволяет сделать некоторые выводы. Их можно сжато представить в виде следующих тезисов, сгруппированных по задачам исследования.

1) Оценивая результаты взаимодействия РДВ и Китая с точки зрения изменения его внутренних параметров, следует подчеркнуть, что значительному росту объемов трансграничных отношений сторон с конца 1980-х по конец 2010-х гг. сопутствовал не менее значимый рост неравномерности их развития. Так, расширение инвестиционного взаимодействия РДВ и Китая, как правило, резко отставало от роста их миграционного и торгового оборота. В свою очередь, в миграционном обороте (вопреки соотношению потенциалов сторон) с середины 1990-х гг. въездной китайский туризм устойчиво демонстрировал худшие показатели, чем выездной российский. Проявлением неравномерности в динамике торговли стала почти зеркальная трансформация к 2010-м гг. товарной структуры вывоза и ввоза РДВ: вытеснение сырьевыми товарами из экспорта РДВ машиностроительной продукции произошло одновременно с увеличением доли той же продукции в китайском импорте. Наконец, выраженная неравномерность была присуща и самой исторической динамике трансграничных отношений: глубокие кризисы, поражавшие их в 1994 и 2014–2016 гг., были, помимо прочего, следствием общей несамодостаточности экономики РДВ, ее неустойчивости к внешним шокам.

2) Сравнение динамики трансграничного сотрудничества РДВ и Китая с таким же взаимодействием на уровне России и мира в целом показывает, что достижения макрорегиона в этой сфере, скорее, следует считать неудачами. Если еще в 2000-е гг. РДВ мог претендовать (по темпам роста) на роль лидера российского экспорта в Китай, то в последнее десятилетие он выделяется на среднероссийском фоне лишь по динамике китайского туризма. Плоды российского "поворота на Восток" достались в основном более западным регионам страны. Впрочем, в сопоставлении с тридцатилетними итогами экспорта в Китай, привлечения китайских ПИИ и туристов другими странами мира, национальные результаты России также оказываются неудовлетворительными.

3) Характерной чертой трансграничных отношений РДВ и Китая является высокая степень расхождения результатов этих отношений с намерениями их российских участников. Долгое время государственное целеполагание в этих отношениях, по существу, отсутствовало, а попытки приступить к их стратегическому планированию с конца 2000-х гг. показали поразительную неэффективность. Сегодня цели сотрудничества макрорегиона с Китаем фактически формируются стихийно, на индивидуальном и групповом уровне, под влиянием слабо рефлексированных и зачастую иррациональных представлений и ожиданий. Именно это объясняет живучесть страха перед "демографической угрозой", который до сих пор сдерживает развитие и трудовой, и туристической миграции из Китая на РДВ.

4) Состояние целеполагания и управления трансграничными отношениями с Китаем, на мой взгляд, выступает главным фактором неуспешности их результатов для РДВ. Для того, чтобы документы стратегического планирования в этой сфере перестали быть лишь декларациями о намерениях, их

правительственные авторы должны решиться сделать три основных шага. Во-первых, обоснованно оценить реалистичность предполагаемых "китайских угроз" и, исходя из этого, переопределить соотношение приоритетов безопасности и развития в управлении РДВ. Во-вторых, предоставить возможность участия в формулировании целей и задач сотрудничества с Китаем представителям дальневосточных региональных администраций и бизнеса. И, в-третьих, отказаться от сугубо репрессивного подхода к "теневому" сегменту трансграничного взаимодействия, создав условия для легализации и стимулирования экономической деятельности вытолкнутых в него российских граждан.

Литература

1. Александрова М.В. Китайские инвестиции и их значение в экономике российских восточных регионов // *Китай на пути к возрождению*. М.: ИД "ФОРУМ", 2014. С. 385–402.
2. Александрова М.В. Российский Дальний Восток и Северо-Восточный Китай: торгово-экономическое сотрудничество // *Китайская Народная Республика: политика, экономика, культура*. М.: ИД "ФОРУМ", 2009. С. 233–250.
3. Вардомский Л.Б. Торговые связи с КНР и экономическое развитие российских регионов // *Проблемы Дальнего Востока*. 2018. № 6. С. 65–76.
4. Витковская Г., Зайончковская Ж. Новая столыпинская политика на Дальнем Востоке России // *Перспективы Дальневосточного региона: межстрановые взаимодействия*. М.: Гендальф, 1999. С. 80–120.
5. Внешнеэкономическая деятельность Амурской области за 2005–2013 годы: Сборник /Амурстат. Благовещенск, 2014. 57 с.
6. Внешнеэкономическое сотрудничество Дальневосточного федерального округа: атлас. Хабаровск: РИОТИП, 2006. 48 с.
7. Внешняя торговля ДФО // Дальневосточное таможенное управление ФТС. URL: <https://dvtu.customs.gov.ru/folder/147017> (дата обращения: 9.12.2020).
8. Воскресенский А.Д. Россия и Китай: потенциал, перспективы, вызовы и проблемы регионального измерения отношений // *Взаимодействие России и Китая в глобальном и региональном контексте: политические, экономические и социокультурные измерения*. Владивосток: Изд-во ДВГУ, 2008. С. 70–136.
9. Гуань Гуйхай. Негативные факторы торгово-экономического сотрудничества между Китаем и Россией и пути их устранения // *Взаимодействие России и Китая в глобальном и региональном контексте: политические, экономические и социокультурные измерения*. Владивосток: Изд-во ДВГУ, 2008. С. 189–199.
10. Дальний Восток России: экономический потенциал /под ред. П.А. Минакира, Н.Н. Михеевой. Владивосток: Дальнаука, 1999. 593 с.
11. Дальний Восток России: экономическое обозрение. Хабаровск: РИОТИП, 1995. 477 с.
12. Забияко А.П., Кобызов Р.А., Понкратова Л.А. Русские и китайцы: этномиграционные процессы на Дальнем Востоке. Благовещенск: Амурский гос. ун-т, 2009. 412 с.
13. Зуенко И. Почему Россия и Китай провалили программу приграничного сотрудничества // *Московский центр Карнеги*. 2018. URL: <https://carnegie.ru/commentary/77081> (дата обращения: 12.12.2020).
14. Иванов С.А., Савченко А.Е., Зуенко И.Ю., Козлов Л.Е. Китайский капитал на юге Дальнего Востока России: ожидания государства и реалии взаимодействия. Аналитический доклад. Владивосток: ДВО РАН, 2016. URL: <http://ihaefe.org/files/analytics/chinese-capital-on-fe.pdf>. (дата обращения: 3.12.2020).
15. Инвестиционные намерения // *Invest in Russia*. URL: <https://ru.investinrussia.com/investment-tools/announcement>. (дата обращения: 10.12.2020).
16. Ларин А.Г. Китайские мигранты в России. История и современность. М.: Восточная книга, 2009. 512 с.
17. Ларин В.Л. "Китайская экспансия" в восточных районах России в начале XXI в. через призму компаративистского анализа // *Сравнительная политика*. 2020. № 2. С. 9–27.
18. Ларин В.Л. В тени проснувшегося дракона: Российско-китайские отношения на рубеже XX – XXI вв. Владивосток: Дальнаука, 2006. 424 с.
19. Ларин В.Л. КНР глазами дальневосточника // *Международные процессы*. 2010. Т. 8. № 1. С. 124–130.
20. Ларин В.Л., Ларина Л.Л. Окружающий мир глазами дальневосточников. Эволюция взглядов и представлений на рубеже XX – XXI веков. Владивосток: Дальнаука, 2011. 312 с.
21. Лукин А.В. Медведь наблюдает за драконом. Образ Китая в России в XVII – XXI вв. М.: АСТ: Восток-Запад, 2007. 598 с.

22. Политические системы и политические культуры Востока. М.: АСТ: Восток-Запад, 2007. 829 с.
23. Понкратова Л.А. Китайская трудовая миграция на Дальний Восток России: современные реалии и перспективы // Российское предпринимательство. 2010. №7-1. С. 185–190.
24. Программа развития российско-китайского сотрудничества в торгово-экономической и инвестиционной сферах на Дальнем Востоке РФ на 2018–2024 гг. // Министерство коммерции КНР. URL: <http://russian.mofcom.gov.cn/article/speechheader/201811/20181102808776.shtml> (дата обращения: 5.12.2020).
25. Программа сотрудничества между регионами Дальнего Востока и Восточной Сибири РФ и Северо-Востока КНР (2009–2018 гг.) // Иркутская область. Представительство в Китае. URL: <http://www.irkutsk.cn/site/uploads/File/Programm.doc> (дата обращения: 5.12.2020).
26. Прямые инвестиции в Российскую Федерацию: остатки по субъектам РФ по инструментам и странам-партнерам // ЦБ РФ. URL: https://cbr.ru/vfs/statistics/credit_statistics/direct_investment/13-dir_inv.xlsx (дата обращения: 7.11.2020).
27. Российский Дальний Восток и Северо-Восточная Азия. Проблемы регионального сотрудничества. М.: Эдиториал УРСС, 1998. 248 с.
28. Российский Дальний Восток на пути в будущее / под ред. П.А. Минакира. Хабаровск: ИЭИ ДВО РАН, 2017. 395 с.
29. Россия–Китай: шансы и вызовы отношений "новой эпохи" / сост. А.О. Виноградов, А.С. Исаев, Е.И. Сафронова, М.В. Александрова. М.: ИДВ РАН, 2020. 240 с.
30. Рыжова Н.П. Экономическая интеграция приграничных регионов. Хабаровск: ИЭИ ДВО РАН, 2013. 352 с.
31. Тихоокеанская Россия в интеграционном пространстве Северной Пацифики в начале XXI века: опыт и потенциал регионального и приграничного взаимодействия. Владивосток: ИИАЭ ДВО РАН, 2017. 386 с.
32. Федеральная служба государственной статистики. URL: <https://rosstat.gov.ru/> (дата обращения: 10.12.2020).
33. Число принятых иностранных туристов // ЕМИСС. URL: <http://fedstat.ru/indicator/data.do?id=31598> (дата обращения: 19.11.2020).
34. Экономическое сотрудничество Дальнего Востока России и стран Азиатско-Тихоокеанского региона / отв. ред. П.А. Минакир. Хабаровск: РИОТИИ, 2007. 208 с.
35. Exports of goods and services (current US\$) // World Bank. URL: <https://data.worldbank.org/indicator/NE.EXP.GNFS.CD> (дата обращения: 10.11.2020).
36. Foreign direct investment, net outflows (BoP, current US\$) // World Bank. URL: <https://data.worldbank.org/indicator/BM.KLT.DINV.CD.WD> (дата обращения: 10.11.2020).
37. Imports of goods and services (current US\$) // World Bank. URL: <https://data.worldbank.org/indicator/NE.IMP.GNFS.CD> (дата обращения: 10.11.2020).
38. International tourism, number of departures // World Bank. URL: <https://data.worldbank.org/indicator/ST.INT.DPRT> (дата обращения: 11.12.2020).
39. Russia struggles to attract Chinese capital to its Far East // Financial Times. 5.05.2019. URL: <https://www.ft.com/content/d4cf3486-681b-11e9-a79d-04f350474d62> (дата обращения: 9.12.2020).

Транслитерация по ГОСТ 7.79-2000 Система Б

1. Aleksandrova M.V. Kitajskie investitsii i ikh znachenie v ehkonomike rossijskikh vostochnykh regionov // Kitaj na puti k vozrozhdeniyu. М.: ID "FORUM", 2014. S. 385–402.
2. Aleksandrova M.V. Rossijskij Dal'nij Vostok i Severo-Vostochnyj Kitaj: torgovo-ehkonomicheskoe sotrudnichestvo // Kitajskaya Narodnaya Respublika: politika, ehkonomika, kul'tura. М.: ID "FORUM", 2009. S. 233–250.
3. Vardonskij L.B. Torgovye svyazi s KNR i ehkonomicheskoe razvitie rossijskikh regionov // Problemy Dal'nego Vostoka. 2018. № 6. S. 65–76.
4. Vitkovskaya G., Zajonchkovskaya Zh. Novaya stolypinskaya politika na Dal'nem Vostoke Rossii // Perspektivy Dal'nevostochnogo regiona: mezhsranovye vzaimodejstviya. М.: Gendal'f, 1999. S. 80–120.
5. Vneshneehkonomicheskaya deyatel'nost' Amurskoj oblasti za 2005–2013 gody: Sbornik /Amurstat. Blagoveshhensk, 2014. 57 s.
6. Vneshneehkonomicheskoe sotrudnichestvo Dal'nevostochnogo federal'nogo okru-ga: atlas. Khabarovsk: RIOTIP, 2006. 48 s.
7. Vneshnyaya trgovlya DFO // Dal'nevostochnoe tamozhennoe upravlenie FTS. URL: <https://dvtu.customs.gov.ru/folder/147017> (дата обращения: 9.12.2020).
8. Voskresenskij A.D. Rossiya i Kitaj: potentsial, perspektivy, vyzovy i problemy regional'nogo izmereniya otnošenij // Vzaimodejstvie Rossii i Kitaya v global'nom i regional'nom kontekste: politicheskie, ehkonomicheskie i sotsiokul'turnye izmereniya. Vladivostok: Izd-vo DVGU, 2008. S. 70–136.

9. Guan' Gujkhaj. Negativnye faktory torgovo-ehkonomicheskogo sotrudnichestva mezhdu Kitaem i Rossiej i puti ikh ustraneniya // *Vzaimodejstvie Rossii i Kitaya v global'nom i regional'nom kontekste: politicheskie, ehkonomicheskie i sotsiokul'turnye izmereniya*. Vladivostok: Izd-vo DVGU, 2008. S. 189–199.
10. Dal'nij Vostok Rossii: ehkonomicheskij potentsial /pod red. P.A. Minakira, N.N. Mikheevoy. Vladivostok: Dal'nauka, 1999. 593 s.
11. Dal'nij Vostok Rossii: ehkonomicheskoe obozrenie. Khabarovsk: RIOTIP, 1995. 477 s.
12. Zabyako A.P., Kobyzov R.A., Ponkratova L.A. Russkie i kitajtsy: ehnomigratsionnye protsessy na Dal'nem Vostoke. Blagoveshhensk: Amurskij gos. un-t, 2009. 412 s.
13. Zuenko I. Pochemu Rossiya i Kitaj provalili programmu prigranichnogo sotrudnichestva // *Moskovskij tsentr Karnegi*. 2018. URL: <https://carnegie.ru/commentary/77081> (data obrashheniya: 12.12.2020).
14. Ivanov S.A., Savchenko A.E., Zuenko I.Yu., Kozlov L.E. Kitajskij kapital na yuge Dal'nego Vostoka Rossii: ozhidaniya gosudarstva i realii vzaimodejstviya. Analiticheskij doklad. Vladivostok: DVO RAN, 2016. URL: <http://ihaefe.org/files/analytics/chinese-capital-on-fe.pdf>. (data obrashheniya: 3.12.2020).
15. Investitsionnye namereniya // *Invest in Russia*. URL: <https://ru.investinrussia.com/investment-tools/announcement>. (data obrashheniya: 10.12.2020).
16. Larin A.G. Kitajskie migranty v Rossii. Istoriya i sovremennost'. M.: Vostochnaya kniga, 2009. 512 s.
17. Larin V.L. "Kitajskaya ehkspansiya" v vostochnykh rajonakh Rossii v nachale XXI v. cherez prizmu komparativistskogo analiza // *Sravnitel'naya politika*. 2020. № 2. S. 9–27.
18. Larin V.L. V teni prosnuvshegosya drakona: Rossijsko-kitajskie otnosheniya na rubezhe KHKH – XXI vv. Vladivostok: Dal'nauka, 2006. 424 s.
19. Larin V.L. KNR glazami dal'nevostochnika // *Mezhdunarodnye protsessy*. 2010. T. 8. № 1. S. 124–130.
20. Larin V.L., Larina L.L. Okruzhayushhij mir glazami dal'nevostochnikov. EHvolyutsiya vzglyadov i predstavlenij na rubezhe XX – XXI vekov. Vladivostok: Dal'nauka, 2011. 312 s.
21. Lukin A.V. Medved' nablyudaet za drakonom. Obraz Kitaya v Rossii v XVII – XXI vv. M.: AST: Vostok-Zapad, 2007. 598 s.
22. Politicheskie sistemy i politicheskie kul'tury Vostoka. M.: AST: Vostok-Zapad, 2007. 829 s.
23. Ponkratova L.A. Kitajskaya trudovaya migratsiya na Dal'nij Vostok Rossii: sovremennye realii i perspektivy // *Rossijskoe predprinimatel'stvo*. 2010. №7-1. S. 185–190.
24. Programma razvitiya rossijsko-kitajskogo sotrudnichestva v torgovo-ehkonomicheskij i investitsionnoj sferakh na Dal'nem Vostoke RF na 2018–2024 gg. // *Ministerstvo kommertsii KNR*. URL: <http://russian.mofcom.gov.cn/article/speechheader/201811/20181102808776.shtml> (data obrashheniya: 5.12.2020).
25. Programma sotrudnichestva mezhdu regionami Dal'nego Vostoka i Vostochnoj Sibiri RF i Severo-Vostoka KNR (2009–2018 gg.) // *Irkutskaya oblast'*. Predstavitel'stvo v Kitae. URL: <http://www.irkutsk.cn/site/uploads/File/Programm.doc> (data obrashheniya: 5.12.2020).
26. Pryamye investitsii v Rossijskuyu Federatsiyu: ostatki po sub'ektam RF po instrumentam i stranam-partneram // *TSB RF*. URL: https://cbr.ru/vfs/statistics/credit_statistics/direct_investment/13-dir_inv.xlsx (data obrashheniya: 7.11.2020).
27. Rossijskij Dal'nij Vostok i Severo-Vostochnaya Aziya. Problemy regional'nogo sotrudnichestva. M.: EHditorial URSS, 1998. 248 s.
28. Rossijskij Dal'nij Vostok na puti v budushhee / pod red. P.A. Minakira. Khabarovsk: IEHI DVO RAN, 2017. 395 s.
29. Rossiya–Kitaj: shansy i vyzovy otnoshenij "nojvoj ehpokhi" / sost. A.O. Vinogradov, A.S. Isaev, E.I. Safronova, M.V. Aleksandrova. M.: IDV RAN, 2020. 240 s.
30. Ryzhova N.P. EHkonomicheskaya integratsiya prigranichnykh regionov. Khabarovsk: IEHI DVO RAN, 2013. 352 s.
31. Tikhookeanskaya Rossiya v integratsionnom prostranstve Severnoj Patsifiki v nachale XXI veka: opyt i potentsial regional'nogo i prigranichnogo vzaimodejstviya. Vladivostok: IIAEH DVO RAN, 2017. 386 s.
32. Federal'naya sluzhba gosudarstvennoj statistiki. URL: <https://rosstat.gov.ru/> (data obrashheniya: 10.12.2020).
33. Chislo prinyatykh inostrannykh turistov // *EMISS*. URL: <http://fedstat.ru/indicator/data.do?id=31598> (data obrashheniya: 19.11.2020).
34. EHkonomicheskoe sotrudnichestvo Dal'nego Vostoka Rossii i stran Aziatsko-Tikhookeanskogo regiona / otv. red. P.A. Minakir. Khabarovsk: RIOTIP, 2007. 208 s.
35. Exports of goods and services (current US\$) // *World Bank*. URL: <https://data.worldbank.org/indicator/NE.EXP.GNFS.CD> (data obrashheniya: 10.11.2020).

36. Foreign direct investment, net outflows (BoP, current US\$) // World Bank. URL: <https://data.worldbank.org/indicator/BM.KLT.DINV.CD.WD> (data obrashheniya: 10.11.2020).

37. Imports of goods and services (current US\$) // World Bank. URL: <https://data.worldbank.org/indicator/NE.IMP.GNFS.CD> (data obrashheniya: 10.11.2020).

38. International tourism, number of departures // World Bank. URL: <https://data.worldbank.org/indicator/ST.INT.DPRT> (data obrashheniya: 11.12.2020).

39. Russia struggles to attract Chinese capital to its Far East // Financial Times. 5.05.2019. URL: <https://www.ft.com/content/d4cf3486-681b-11e9-a79d-04f350474d62> (data obrashheniya: 9.12.2020).

Киреев А. А. Российский Дальний Восток в трансграничном взаимодействии с Китаем (конец 1980-х – конец 2010-х гг.): итоги в сравнительной перспективе.

Статья посвящена анализу и оценке итогов трансграничных торговых, инвестиционных и миграционных отношений Дальнего Востока России с Китаем за период с конца 1980-х по конец 2010-х гг. Результаты трансграничного взаимодействия макрорегиона с Китаем оцениваются в трех сравнительных ракурсах: с точки зрения его внутренней динамики, внешнего российского и международного фона, а также целей и ожиданий его дальневосточных участников.

Ключевые слова: *российский Дальний Восток, Китай, трансграничные отношения, государственное управление, сравнительный подход*

Kireev A. A. The Russian Far East in transborder interaction with China (late 1980s – late 2010s): results in a comparative perspective.

The article is devoted to analysis and assessment of the results of transborder trade, investment and migration relations between the Russian Far East and China from late 1980s to late 2010s. The results of transborder interaction of the macroregion with China are assessed in three comparative perspectives – from the point of view of its internal dynamics, external Russian and international background, as well as the goals and expectations of its Far Eastern participants.

Key words: *Russian Far East, China, transborder relations, public administration, comparative approach*

Для цитирования: Киреев А. А. Российский Дальний Восток в трансграничном взаимодействии с Китаем (конец 1980-х – конец 2010-х гг.): итоги в сравнительной перспективе // Ойкумена. Регионоведческие исследования. 2021. № 1. С. 106–119. DOI: 10.24866/1998-6785/2021-1/106-119

For citation: Kireev A. A. The Russian Far East in transborder interaction with China (late 1980s – late 2010s): results in a comparative perspective // Ojkumena. Regional researches. 2021. № 1. P. 106–119. DOI: 10.24866/1998-6785/2021-1/106-119

